

Художник С. Дергачев

93

Охотник на буджумов

Дмитрий Никитин

ФАНТАСТИКА

— Ложись!

Сказано это было так, что Бруно, не задумываясь, бухнулся лицом вниз. Над ним сильно хрустнуло, влажно вздохнуло. По спине ударили дождем горячие капли. Потом вдруг стало очень светло, хоть разглядывая каждый камешек у себя под носом.

Бруно продолжал послушно лежать, пока не появились ботинки Глеба с толстыми, антигравитационными на случай надобности, подошвами. Егерь, задрав голову, разглядывал круглую проплешину в своде пухлых зеленых веток. Через обширную дыру вольно светило местное солнце. У него, в отличие от планеты, не было своего имени, только галактический номер.

— Какая-то крупная тварь, — пояснил Глеб. — Сидит в болотных ямах, хватает все вокруг. Шею иногда на двадцать метров высовывает! Если это, конечно, шея, а не конечность. Короче, не знаю кто. Я же простой техник, хоть и с первичной биоподготовкой.

Понятно, что с первичной. Зачем на Девоне дипломированный спец? Изучать банальное повторение земного палеозоя? Хотя было ли на Земле четыреста миллионов лет назад такое длинношеее?

— Может, сходим посмотрим? — предложил Глеб. — Классифицируем хотя бы предварительно...

Бруно неохотно признался:

— Да я, в общем, тоже не биолог. МВЕСКО, проект СЕТИ. Поиски внеземного разума.

— Разум? — хмыкнул егерь, закидывая карабин на плечо. — Какие тут, к лешему, разумные?

— Смотри, в карбоне стегоцефалы занимали нишу позднейших крокодилов. В юре ихтиозавры были вместо дельфинов. Почему бы роль высших приматов на Девоне не играть другому зоотипу? Дальше. Представь, что тот астероид, который уничтожил на Земле в конце палеозоя девяносто процентов видов, здесь пролетит мимо. Куда дальше пойдет эволюция? И кто станет сапиенсом?

— Саламандры, как у Чапека?

— Зачем саламандры? — Бруно отряхнул колени. — Ложные скорпионы. *Псевдоскорпионида девоника гигантеа*.

— Ну да, ты же ради них сюда прилетел.

— Вообще-то ради барашей.

— Где одни, там и другие. А ты, парень, не робкого десятка. — Егерь поглядел на Бруно с уважением. — Барашки, считай, здесь самые опасные. Вернее, бумбарашки.

— Бумбарашки?

— Ну да. Как еще их назвать?

— Буджумами. — Бруно улыбнулся. — «Снарки, в общем, безвредны, но есть среди них буджумы...»

— Точно. Среди снарков есть буджумы, а среди барашей — бумбарашки.

Весь день Глеб и Бруно прошагали по пересохшему руслу реки, как по тоннелю из переплетенных крон местной безлистой флоры, и только под вечер вышли на открытый воздух — к небольшому озеру. Его берега окаймляла непроницаемая стена трубчатых голоросов, за которыми поднимались метелки древовидных плаунов и папоротников.

— Повезло! — Егерь показал что-то на дальнем берегу: — Вон они! Смотри!

Бруно поднес к глазам бинокль и увидел большую ящерицу. Вернее, конечно, амфибию.

— Стегоцефал?

— Скорее уж ихтиостега. Да ты на псевдоскорпков смотри! Вон же они, впереди.

В сравнении с земными ложноскорпионами, живущими, например, в старых книгах, здешние, девонийские, были просто великанами. Сейчас они были заняты тем, что тащили из озера пресноводную акулу средней величины. Хищница, видимо, застряла на мелководье из-за падения уровня воды. На акулу, похоже, имела виды и бредущая к ней ихтиостега. Членистоногие, впрочем, не собирались так просто расставаться с трофеем. Они встали в ряд и направили в морду ихтиостеги длинные палочки, которые держали в клешнях. После нескольких уколов амфибия дала задний ход, а ложноскорпионы продолжили пропихивать акулу через заросли.

— Заметил? Разве использование орудий не признак разумности?

— Необязательно, — отозвался Глеб. — Земные муравьи и осы тоже используют.

Первым подойдя к месту битвы, егерь, не дожидаясь спутника, включил антигравы и, взлетев над стеной голоросов, приземлился на той стороне.

Бруно колебался — дожидаться Глеба на берегу или последовать за ним в лес? Позади послышался плеск. Бруно оглянулся: на него, стоя в воде, уставилась давешняя ихтиостега. Настоящий крокодил, только мягкий. Бруно достал пистолет и погрозил, на что земноводное широко распахнуло пасть, показав острые щучьи зубы. Хоть и не любил Бруно аэрообуви, выбора, похоже, не оставалось.

В полете он еле удержал равновесие, а при посадке потерял бинокль, канувший в пушистый мох. Глеба видно не было, только уходила в глубину чащобы цепочка следов на сплошном ковре грибов, мха и лишайников. Бруно хотел позвать, но остерегся накликать нового хищника. С сухопутными плотоядами тут вроде негусто, но все же... Он побежал, поскользываясь, по егерским следам, пока не ткнулся с разбега в широкую спину Глеба. Впереди,

на поляне, возвышался глиняный конус высотой с двухэтажный дом. Утоптанная земля вокруг него была усыпана белыми круглыми раковинами, похожими на закрученные раковины аммонитов.

— Это от барашей, — пояснил Глеб, хотя и так было ясно.

Вокруг конуса бегали со скрежещущим топотом похожие на вытянутых крабов-переростков ложноскорпионы всех размеров — от молодых, с лимон и такого же ярко-желтого цвета, до матерых черно-коричневых громил величиною с кабачок. Из леса и круглых отверстий в основании глиняного холма появлялись все новые псевдоскорпы, присоединяясь к общему танцу. Потом настал черед пиршества. Первыми к акуле подходили самки с утолщениями выводковых камер или с крошечными детенышами на спинах, за ними — взрослые самцы, следом — подростки. Ложноскорпионы отщипывали клешнями кусочки рыбы и переправляли ко рту похожими на маленькие ручки хелицерами. Через десять минут от туши осталась разобранная кучка костей, да и те зачем-то потащили в норы.

— Мы ведь к барашам шли, — напомнил Бруно.

— Так я думал, что их отыщем, если за псевдоскорпами проследим. А сегодня они никуда уже не пойдут, им акулы хватило.

— Что же делать? Мне пустых раковин мало.

— Давай сами поищем. Вряд ли они где-то далеко.

На поиски барашей, однако, ушло несколько часов. Уже в сумерках, вдоволь поблуждав по сырой чащобе, набрали на скопление крупных улиток.

— Осторожно! — тревожно повысил голос Глеб. — Не прикасайся! И вообще, держись от них подальше.

Из-за барашей на Девоне погибло несколько человек. Большинство улиток были безвредны, так что вначале их отлавливали и препарировали без всякой предосторожности. Однако, как оказалось, некоторые экземпляры имели пренеприятное свойство взрываться при умерщвлении или значительном повреждении раковины. Считалось, что такой природный механизм служит для защиты вида от хищников. Внешне обычные и взрывные особи были абсолютно одинаковы, и враги, рискуя схватить «заминированную» улитку, должны были вообще избегать барашей. Главные хищники девонской суши — тригонотарбы и орибатиды — и вправду обходили улиток стороной. Зато ложноскорпионы успешно охотились на барашей, как-то различая опасных и неопасных моллюсков.

— Снимай, но близко не подходи! Один был у нас смелый: пнул ногой, так голова на пять метров вверх улетела.

— Не бойся. Поставлю автомат, будем снимать дистанционно.

Лагерь они разбили на голой скале, уступом нависшей над озерной котловиной. Вместо костра (в ближайшие миллионы лет нормальных дров здесь будет не найти) включили переносную печку, подогрели консервы и жареного мечехвоста из криоупаковки. Взошла и поплыла по небу пятнистая луна — куда большая, чем земная.

Бруно отправился в палатку. Глеб остался снаружи, под безымянными звездами. Когда еще их сложат в рисунки созвездий будущие разумные жители планеты... Внезапно ночную тишину нарушил сильный плеск на озере. Что-то крупное! Из моря, что ли, кто-то сюда добрался? Глебу представилась двоякодышащая панцирная рыбина, ползущая на кистеперых плавниках по сухому речному руслу... здоровущая, как земная косатка... Надо бы утром

посмотреть... Он вдруг что-то заметил в кроне ближайшего древовида. Переключил фонарь, осветил. На самой верхушке раскачивался, ухватившись клешнями за ветки, крупный псевдоскорп. Казалось, что он тоже смотрит на черное небо, на луну и звезды...

Утром егерь вспомнил о ночном шуме на озере. Спрыгнул с края уступа и соскользнул на антигравах по воздушной горке в долину. Псевдоскорпы в своем скорпионнике, наверное, как и Бруно, еще досматривали сны. А вот паучья мелочь уже завтракала — сновала по мху, хватала червячков и мелких многоножек и быстро тасила наверх, пока не появился хищник посерьезнее. Потом Глеб наткнулся в лесу на труп ихтиостеги. Тушу неторопливо потрошила парочка тригонотарбов — закованных в шипастые панцири гигантских пауков, живое воплощение детских кошмаров. Впрочем, ихтиостега, ушедшая так далеко от воды, была обречена в любом случае. Но что заставило ее покинуть озеро? Кого так испугалась трехметровая зубастая амфибия, что пошла на сушу, на неизбежную гибель? Не вернуться ли за карабином? Жаль терять время.

Гладь озера выглядела безупречной. А вчера ее полосовали следы множества рыб и прочих водных обитателей. Залегли в придонный ил? Или попытались сбежать, как ихтиостега? Глеб включил антигравы и медленно поплыл над водой, над которой еще струились разводы седого тумана. Пустота. Даже плавунцы куда-то исчезли. Крупные девонские рыбы засасывают в глотку все вокруг, словно пылесосом. Интересно, могут они выпрыгивать, как дельфины? На всякий случай поднялся повыше. И весьма вовремя! Вода под ним внезапно вспухла бугром — снизу ее продавливало, поднимаясь со дна, что-то огромное. Глеб мигом упорхнул в сторону, оглядываясь через плечо. На поверхность с тучей брызг выперла горой серо-маслянистая туша, с нее лились грязные водяные потоки. И тут же над круглым холмом спины стала выдвигаться многометровая шея. Как у совершенно неуместного в эту эпоху плезиозавра.

Глеб приготовил гарпун-пробоотборник. Существо грациозно повернуло шею в его сторону. Стало видно, что вместо головы она оканчивалась чем-то вроде широкого раструба. Глеб подлетел с другой стороны, прицелился и выстрелил гарпуном. Из тела чудовища тем временем потянулся второй длинный отросток. Вырвав пробоотборник из сизой туши, на которой появлялись все новые щупальца, Глеб понесся к берегу, сматывая на лету гарпунный гравишнур. Чудовище катилось по воде следом, напоминая уже не плезиозавра, а разъяренного спрута.

— Знаешь, что такое это твое длинношеее? — Бруно отложил анализатор. — Вообще не животное! То есть в какой-то степени животное...

— Гриб, что ли?

— Грибовид. Миксомицет, то есть слизевик. Исполинский. Да еще и такой подвижный. Никогда о подобном не слышал!

— Все когда-нибудь бывает впервые, — меланхолично отозвался Глеб. — И где теперь, спрашивается, свежей рыбки раздобыть? Кстати, псевдоскорпы, наверно, скоро пойдут за едой, к барашам.

— Тогда и нам пора туда собираться.

К дремавшим на стволах папоротников улиткам они прибыли чуть позже псевдоскорпов. Те уже приступили

к охоте, больше похожей на сбор урожая. Ложноскорпионы действовали слаженно и быстро. Обегали улиток, осматривали их со всех сторон, отдирали выбранный экземпляр от дерева, сбрасывали вниз и катили раковину к своему конусу. Единственным происшествием стало появление тригонотарба. Очевидно, он сообразил, что уже выбранная улитка не взорвется. Панцирный паук подхватил бараша мощными жвалами, но тут же сам оказался окружен ложноскорпионами с тростинками-копьями. Тригонотарб возвышался над ложноскорпионами, как над толпой лилипутов. Его раздутое тело покрывала толстая хитиновая броня, непробиваемая для скорпионьих пик и клешней. Грозные жвалы тригонотарба сжимали бараша, а отбивался паук когтистыми ногами — то быстро и умело наносил удары, то разом поджимал их, грозя раздавить мелких противников шипастым брюхом. Однако псевдоскорпы не растерялись и, улучив момент, поддели туловище тригонотарба упертыми в землю копиями. Как только панцирный великан заболтал лапами в воздухе, ложноскорпионы сейчас же убрали часть пик, и висевший на них тригонотарб опрокинулся на спину, беспомощно суча ногами. Псевдоскорпы деловито подняли отлетевшего в сторону бараша и снова покатали к себе домой.

— Что ж, теперь я точно знаю, как они отличают заминированных улиток. — Бруно открепил камеру от ствола древовида.

— Ты так уверен? Выяснил всего за одну ночь?

— Нет, конечно. Я этим делом на Земле весь последний год занимался. На Девоне только последние данные надо было уточнить.

— Ну и как же они отделяют снарков от буджумов?

— Пигментные пятна. Мы их не различаем, а псевдоскорпы видят в ультрафиолете. Камера у меня с фильтрами...

— Что-то такое я и предполагал, если честно. Значит, у бумбарашей элементарно другой окрас.

— Не так все просто! — Бруно поколдовал в своем ноте, и в воздухе перед Глебом появилась увеличенная проекция спиралевидной раковины. На завитках ракушки проступили ряды пятнышек.

— Видишь? Последовательно: кружок, треугольник, горизонтальная черта. Ниже: треугольник, черта, круг. Еще ниже: черта, круг, треугольник.

— Тест для дошкольников. — Глеб потер лоб. — Да ладно, Бруно, каждый видит в случайных пятнах что-то свое. Особенно, если пробует их как-то осмыслить.

— Это было изображение обычного бараша. Из тех, что попали к псевдоскорпам. — Бруно сменил картинку. — А вот голограмма того, кого лучше не трогать. Тот же тест, но в последней линии ошибка: кружок, черта, треугольник. Кружок дважды на первой позиции.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я не знаю точно, разумны ли девонские ложные скорпионы, но тот, кто рисует им эти пятнышки, определенно разумен.

— Как это рисует?

Бруно глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду.

— Ты слышал о Черном обелиске?

— Ремарка?

— Нет, Кларка и Кубрика. Была у них такая фантастическая история. О том, как три миллиона лет назад на Земле кто-то воздействовал на питекантропов, чтобы развить у них мышление. Показывал нашим предкам сти-

ФАНТАСТИКА

мулирующие картинки. Похоже, тут проделывают что-то подобное. Стимулируют интеллект. Если псевдоскорпы решают логическую задачу правильно — получают еду. Если ошибаются — погибают. Поощрение умных и отсев глупых. Ты думаешь, зачем около скорпионника пустые раковины выложены? Молодые между раковин бегают, изучают. Школа это у них.

— Так это, наверное, кто-то из ваших умников занимается прогрессорством!

— Нет, это не наши. Ни с Земли, ни из колоний. Не было у нас похожих проектов. Кроме того, мы подняли в архивах первые съемки барашей. Еще той, первой экспедиции, что Девону открыла. На раковинах нашли те же ряды пятен. Ну и самое главное, мы выяснили: барашей создали искусственно.

— Брось! Получается... чужие, что ли? Другая космическая цивилизация?

— Выходит, да.

— Нет, не может быть. Почему тогда мы этих пришельцев до сих пор не замечали! Мы ведь на Девоне уже десять лет, а ты говоришь, что они здесь были с самого начала...

— А элементарные пятнышки на улитках почему за все эти годы не разглядели? Потому что специально не искали! И пришельцев на Девоне тоже не искали, пока случайно не обнаружили в местных биообразцах генную инженерию неземного типа. Недоступного для нас уровня! К тому же самих пришельцев, судя по всему, здесь нет...

— Как нет?

— Перемещение крупных объектов в надримане мы бы зафиксировали. А вот пересылку информации отследить сложнее. Думаю, когда-то, еще задолго до нас, чужие забросили на Девону автоматические микросистемы, что-то вроде наноботов. Они и маркируют улиток нужным им образом.

— То есть осталось найти этих чужих наноботов?

— Да искали их уже, не обнаружили. — Бруно выдержал паузу. — Но можно сделать так, чтобы пришельцы сами нашли нас!

Глеб воздержался от нового вопроса. А Бруно продолжил:

— Я просмотрел все старые записи и заметил одну особенность: обычные бараша ползают с одними и теми же пятнышками, пока псевдоскорпы их не заберут и не съедят. А вот у бумбарашей, которых отсеивают, не так. Через какое-то время пятнышки у них меняются. Тоже тесты с ошибками, но другие. То есть чужие их перекрашивают, чтобы использовать по новой.

— И что с этого?

— Значит, у чужих постоянный канал с обратной связью: с Девоны сообщают, как идет работа, и сюда приходят

новые инструкции. А теперь, предположим, мы на бумбараше таким же пигментом свое послание напишем. Чтобы чужие поняли, что тут, кроме псевдоскорпов, настоящие разумные есть.

— Послание? Строение молекулы водорода?

— Для начала что-нибудь попроще. Например, схему местной звездной системы. Девона четвертая планета и единственная с крупным спутником. Вот так и изображу. Кружочками.

— Но рисовать буду я! — решительно заявил Глеб. — Тебя к бумбарашу, извини, не подпущу. Не имею права. Сам нарисую. Если не взорвусь.

Назавтра егерь невидимым для человека пигментом изобразил на одном из бумбарашей придуманную Бруно схему с местным солнцем и планетами. Следующим утром псевдоскорпы, прибыв, как обычно, за барашами, оказались в полной растерянности. Они долго бегали от одной улитки к другой, но так и не смогли ни на ком остановить свой выбор. Бруно заснял всех барашей в ультрафиолете и загрузил данные в нот.

— Что они? — нетерпеливо спрашивал Глеб. — Ответили?

— Интересно, интересно! Смотри! Во-первых, на этот раз новые задания на всех барашах. Во-вторых, все задания — на календарь. Вот чужие дают схему вращения Девоны вокруг ее солнца. А это — их система счета времени. Задание: определить, правильно ли обозначена продолжительность года. Сейчас пересчитаю...

— Слушай, они нас что, на математику проверяют?

— На элементарную астрономию скорее. Ладно, вот что получается пока с правильными и неправильными решениями. Эти улитки — нормальные, а те, которых я отметил, бумбарашаши. Надо несколько нормальных барашей к скорпионнику отнести, а то пострадали они из-за нас. Пробей им только раковины, чтобы было понятно, что безопасные.

— А они точно не взорвутся? — спросил Глеб.

— Обижает! Но, хочешь, прострели их на всякий случай из карабина.

— Ладно, соображу. А с бумбарашами что будем делать?

— Продолжать через них диалог. Сейчас я им плоскую проекцию местного скопления дам. И расстояние в световых годах отсюда до ближайших звезд.

— Здорово, Бруно! Это же контакт! Понимаешь, первый контакт! Теперь осталось только галактическими координатами обменяться, и можно экспедиции друг к другу посылать!

— Эх, Глеб! Не думаю, что все у нас получится так сразу.

И точно — следующим утром ничего не случилось. На барашах оказались обычные тесты на общую логику.

Бруно предложил предоставить улиток ложноскорпионам, а самим запастись терпением. Может, как раз сейчас где-нибудь за тысячи световых лет отсюда решается судьба контакта.

Глеб решил, пока есть время, сходить на озеро, проведать слизевика. Настроение у него было тревожным: возможно, из-за предчувствия скорой грозы. Воздух отяжелел, над посеребренными пятнами лишайников в лесу призрачно струился знойный жар. Пока добрался до озера, из-за гор уже поднялась стена грозовой тучи, непрерывно озаряемая вспышками молний. Негромким солидным басом зарокотал далекий гром. Глеб не раз

видел на Девоне сильные грозы, но что-то на этот раз казалось необычным. Черно-сизая изнанка сплошной гигантской тучи заняла уже половину небосвода. Солнце какое-то время просвечивало через нее вишневым диском, но потом совсем пропало из виду.

Сразу стало темно и холодно, резкие порывы ветра сгибали до земли прибрежные голоросы, в лесу трещали и ломались древовиды, по озеру пошли окаймленные белым штормовые волны. Надо было бежать в лагерь и убирать палатку, пока не унесло куда-нибудь, но Глеб остался на берегу. Разгул стихии, похоже, заморозил и слизевика. Подняв динозавровую шею, он возвышался утесом среди бушующих волн. Раскаты грома рвали ткань мироздания. Ежесекундные вспышки молний создавали стробоскопическую картину происходящего. Слизевик возвышался в центре бури — он будто притягивал к себе атмосферные разряды, не причинявшие ему никакого вреда. На мгновение над грибоидом застыл столб пульсирующего электрического пламени, стекавшего по каплевидному телу чудовища. Потом миксомицет засветился сам. Все ярче и ярче, разгораясь в огромную шаровую молнию — словно новое солнце взамен прежнего, скрытого тучами.

И тут Глеб распознал наконец нарастающий ноющий зуд — так человеческий организм реагирует на открытый рядом межпространственный портал. Но где же принимающая станция?

Земля задрожала под ногами, и в следующий миг полыхнула ослепительная вспышка.

Когда вернулось зрение, с голубого посвежевшего неба вновь ласково светило солнце. От бури не осталось и следа. Исчез и слизевик. Зато с середины озера к берегу приближались, вышагивая над водой суставчатыми ногами, три невиданных существа примерно человеческого роста. Угловатые фигуры окутывало облако мерцающей многоцветной пыли. Сквозь эту светящуюся завесу угадывалось строение их тел: снизу пришельцы напоминали длинноногих крабов, а сверху на вертикальном туловище имелось несколько конечностей. Голов у них, судя по всему, не было.

— Ну вот! — крикнул, подбегая, Бруно. — Все-таки это грибы! Грибница как система мониторинга планеты. Никакие не наноботы. А слизевик, видимо, был главной их лабораторией. А потом самоуничтожился, открыв мгновенный портал.

Пришельцы достигли берега. Глеб шагнул навстречу братьям по разуму.

Те, не обращая внимания на людей, прошли мимо и направились цепочкой в лес, в сторону обиталища ложных скорпионов.

— Куда они? — недоуменно воскликнул Глеб и тут же догадался. — А-а-а! Они решили, что это скорпы им картинки посылали! Так... надо где-нибудь самим нарисовать, у них на глазах... или что там у них вместо глаз...

Егерь устремился в лес вслед за пришельцами.

— Слушай, давай осторожней! — В голосе бегущего следом Бруно зазвучала тревога. — Похоже, это роботы с жесткой программой. Даже более примитивной, чем была у слизевика. Тот хотя бы образцы брал на исследование, тебя поймать пытался. А этих крабосветлячков, похоже, послали в один конец с какой-то очень конкретной задачей. Быть может, чтобы построить постоянный портал...

— Черт! — воскликнул Глеб. — Что еще там такое?!

Впереди затрещали мощные энергоразряды. Сквозь деревья пробивался отблеск вспышек жгучего света.

— Что-то мне все это не нравится! Скорее туда!

На подходе к скорпионнику они наткнулись на первые обугленные, скорченные тела псевдоскорпов. Некоторые все еще сжимали в клешнях свои пики из рыбьих костей.

Глеб посуровел:

— Может, они первыми атаковали? Чужие-то думали, что их ждут, а скорпы решили — это враги... Пришельцам пришлось защищаться. Но нас-то скорпы не трогали!

Пока шли дальше, Бруно хранил хмурое молчание.

Конус скорпионника был срезан одним косым лучевым ударом. Вокруг дымящимися горками чернели тела его обитателей. Глеб взлетел на антигравах, быстро осмотрелся кругом.

— Сделали дело и исчезли! Профессионалы, будь они прокляты! Сейчас, наверное, рассредоточились и прочесывают лес, ищут оставшихся. Но зачем эта зачистка? Почему они их уничтожили?

— Ты не понял? Мы слишком хорошо ответили на их тест! Подставили псевдоскорпов перед их благодетелями. А они, оказываются, не любят слишком умных! Барашки — не манна небесная, а ловушка для потенциальных сапиенсов. Чтобы выявить и убрать, пока не выросли. Погасить разум в колыбели, чтобы потом он не вышел в космос и не стал соперником.

— Я здесь егерь и не позволю кому ни попадя браконьерствовать! — просипел Глеб с холодной яростью в голосе. — Тем более, выходит, это из-за нас, из-за меня все случилось, из-за рисунка этого! Так, ты давай сиди тихо, а я с этими мерзавцами потолкую по-взрослому. — И полетел между деревьями, положив на сгиб руки карабин.

Оставшись в одиночестве, Бруно достал из рюкзака и разложил станцию галактической связи. Через минуту перед ним появилась голограмма немолодого чиновника в строгом официальном костюме.

— Хорошая работа! Пеленг масс-переброски мы взяли. Теперь эти улиткоделы в наших руках.

— Они не улиткоделы, а чистильщики.

— Кто бы мог подумать! — Чиновник еле заметно улыбнулся. — Я опять проиграл пари. Вы и на этот раз умудрились выжить!

— Меня банально не заметили. Мы слишком непохожи. Скорее всего, разумный вид на их планете возник из членистоногих. Поэтому они и заинтересовались такими же на Девоне. А людей как сапиенсов эти убийцы не воспринимают.

— Значит, застанем их врасплох. — Чиновник пристально посмотрел на Бруно. — Странно, я думал, вы будете расстроены. Раньше, при отрицательных результатах, вы просто лучились от радости.

Бруно пожал плечами:

— Я расстроен. Знаете, как раньше охотились на крокодилов? Подманивали, бросив в воду визжащего щенка. Но я рад, что под наш выстрел действительно появился аллигатор-людоед, а не сердобольный лодочник.

— Вы неисправимый романтик! В этой Вселенной нет добрых инопланетян! Мы все тут буджумы!

Из леса послышался шум. Бруно повернулся, хватаясь за пистолет. На поляну вступил отряд ложноскорпионов, они катили раковины барашей. Запоздавшие фуражиры? Сейчас обнаружат, что стало с их домом. Только бы не подумали, что это сделал Бруно!

ФАНТАСТИКА

Вид разгромленного скорпионника, однако, не вызвал у псевдоскорпов заметного шока. Одни из них стали немедленно расчищать проходы вглубь конуса, откуда вскоре появились уцелевшие; некоторых (видимо, раненых) тащили на носилках. Другие псевдоскорпы обвязывали принесенных ими барашей плетеными веревками и зачем-то стали поднимать раковины на верхушки соседних древовидов.

Смысл этих действий Бруно понял, когда из леса одним прыжком выскочил светящийся робот-краб и запылал огненными вспышками по выносившим раненых ложноскорпионам. Псевдоскорпы бросились врассыпную. Однако другие, засевшие на деревьях, в ответ обрушили на инопланетного робота град белых раковин. И каждый бараш, падая на землю, взрывался, поражая, как мощная бомба, все вокруг острыми обломками. Ложноскорпионы принесли бумбарашей, чтобы применить их вместо артиллерии!

Взрывы повалили робота-краба на землю, изрешетили осколками. Выбравшись из укрытий, ложноскорпионы бросились со всех сторон на врага, разрывая клешнями его погасшее, но еще шевелившееся тело. Тут же из леса появился еще один пришелец. Бруно ожидал, что его постигнет судьба первого. Однако у скорпионных артиллеристов, засевших на древовидах, по-видимому, закончились бумбарашки. Или они медлили, боясь задеть своих?

Обнаружив псевдоскорпов у останков первого робота, второй повел стволом энергетического оружия... но вдруг дернулся и завалился набок, судорожно дрыгая конечностями. Из отверстий в его корпусе заструился густой дымок. Светящийся панцирь быстро потускнел, приобретя мертвенно-серый цвет. Бруно посмотрел на пистолет в своей руке, не веря, что смог это сделать...

К нему приблизился старый, темно-бурый ложноскорпион. Впервые за все время один из них обратил внимание на человека! Шевеля стебельками глаз, старый скорп смотрел на возвышавшегося над ним Бруно. У старика была всего одна клешня, вместо другой к культе была привязана короткая пика. А может, посох... И этим посохом он начал что-то быстро чертить на земле. Бруно наклонился и пригляделся: три узнаваемые фигуры — ложноскорпион, человек и робокраб-чистильщик. Не найдя подходящей палочки, Бруно воспользовался рукоятью пистолета: перечеркнул краба и обвел, соединяя в один круг, фигуры псевдоскорпа и человека.

Может, добрых инопланетян в Галактике не существует. Тогда у землян есть шанс стать первыми!

